

УДК 5.9.1

DOI 10.30914/2072-6783-2024-18-3-426-431

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО МИХАИЛА ПРИШВИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ ВЛАДИМИРА СОЛОУХИНА

К. А. Якименко

Литературный институт им. Горького, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Предметом исследования в статье является анализ влияния идей писателя Михаила Пришвина на мировоззрение и творчество Владимира Солоухина. Автор, опираясь на творческое наследие Пришвина и Солоухина, обращает внимание на духовную близость двух крупных художников русской литературы, прослеживает отношение Владимира Солоухина к своему учителю Михаилу Пришвину, творческий диалог с которым продолжался на протяжении всего литературного пути Солоухина. **Введение.** Авторитет Михаила Пришвина был для Владимира Солоухина непоколебимым. Пришвин повлиял на литературную судьбу Солоухина, который, чувствуя острую близость с Пришвиным, всегда обращался к его произведениям и справедливо считал Пришвина не только самобытным писателем, но и своим главным учителем. **Целью** данного исследования является установление закономерности использования Солоухиным литературного опыта Михаила Пришвина, а также на примере художественного, публицистического и эпистолярного наследия Михаила Пришвина и Владимира Солоухина выявить особенности их творческого диалога. **Объектом и материалами** нашего исследования стали произведения Михаила Пришвина «Кладовая солнца», «Золотой луг», рассказы 1938–1953 годов, а также дневники Михаила Пришвина от 1905–1947 годов. Рассмотрев произведения Владимира Солоухина о Пришвине: «Очарованный странник», «Прекрасная Адыгене», «Трава», «Письма из Русского музея», мы, опираясь на биографический и сравнительно-сопоставительный методы с учетом компаративистского анализа, попытаемся установить художественные параллели в творчестве Владимира Солоухина и Михаила Пришвина. **По результатам исследования** можно сделать вывод о том, что Владимир Солоухин неоднократно обращался к творчеству Михаила Пришвина, часто ссылаясь на него в своих произведениях как на неоспоримый авторитет в литературном мире. Пришвин помог выработать Солоухину свой индивидуально-авторский стиль, а также сформировать у Владимира Солоухина стойкое скептическое отношение к прогрессу и новой реальности, которые, по мнению Михаила Пришвина, отбирают у человечества способность к душевному порыву, умению чувствовать и созидать. **В заключении** мы делаем вывод о том, что самая близкая и созвучная Владимиру Солоухину мысль Пришвина о губительном влиянии прогресса на человека была рассмотрена в очерке Солоухина «Письма из Русского музея». Именно в этом произведении Владимир Солоухин наиболее близок к пониманию принципа художественной философии Михаила Пришвина о содружестве человека и природы. Солоухин вслед за Пришвиным говорит читателю о том, что гармоничное существование человека возможно только в соподчиненности с природой, потому что именно она способна спасти человеческую душу от разрушительности силы прогресса.

Ключевые слова: Пришвин, природа, прогресс, Солоухин, памятник, история, творчество, учитель, народ, культура

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Якименко К. А. Жизнь и творчество Михаила Пришвина в художественном восприятии Владимира Солоухина // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 426–431. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-426-431>

THE LIFE AND WORK OF M. M. PRISHVIN IN THE CREATION OF VLADIMIR SOLOUKHIN

K. A. Yakimenko

Literary institute named Maxim Gorky, Moscow, Russian Federation

Abstract. The subject of the research in the article is an analysis of the ideas of the writer Mikhail Prishvin on the worldview and creativity of Vladimir Soloukhin. The author, relying on the creative heritage of Prishvin and Soloukhin, paying attention to the spiritual closeness of two major figures of Russian literature, traces the attitude of Vladimir Soloukhin to his teacher Mikhail Prishvin, the dialogue with whom continued throughout Soloukhin's career. **Introduction.** The authority of Mikhail Prishvin was unshakable for Vladimir

Soloukhin. Prishvin influenced the literary fate of Soloukhin, who, feeling an acute closeness with Mikhail Prishvin always turned to his works and rightly considered Prishvin his main teacher. **Purpose.** This study is to establish the pattern of Soloukhin's use of Prishvin's literary experience. And also, using the example of the artistic, journalistic and epistolary heritage of Mikhail Prishvin and Vladimir Soloukhin, to identify the features of their creative dialogue. **The object and materials** of our research are the works of Vladimir Soloukhin about Prishvin "The Enchanted Wanderer", "Beautiful Adygen", "Grass", "Letters from the Russian Museum", where, based on the biographical and historical-typological method, we will try to establish artistic parallels in the works of Vladimir Soloukhin and Mikhail Prishvin. **According to the results** of the study, it can be concluded that Vladimir Soloukhin repeatedly referred to the work of Mikhail Prishvin as a literary authority. Prishvin helped Soloukhin develop his own individual author's style, as well as to form in Vladimir Soloukhin a persistent skeptical attitude towards progress and new reality, which, according to Mikhail Prishvin, take away from humanity the ability to emotional impulse, the ability to feel and create. **In conclusion** we conclude that Prishvin's idea about the disastrous influence of progress on man was discussed most closely and consonant with Vladimir Soloukhin in the essay "Letters from the Russian Museum." It is in this work that Soloukhin summarizes all of Prishvin's arguments about modern man as a destructive and doomed personality, who can only be saved by closeness to nature. Thus, Soloukhin voices in his essay one of the most important philosophical postulates of the literary heritage of Mikhail Prishvin: the salvation of the human soul is possible through the revival of connections with nature.

Keywords: Prishvin, nature, progress, Soloukhin, monument, history, creativity, teacher, people, culture

The author declares no conflict of interest.

For citation: Yakimenko K. A. The life and work of M. M. Prishvin in the creation of Vladimir Soloukhin. *Vestnik of the Mari State University*, 2024, vol. 18, no. 3, pp. 426–431. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-3-426-431>

Мировоззренческая и духовная близость к Пришвину всегда сознавалась и ценилась Владимиром Солоухиным. Михаил Пришвин представлялся Солоухину большим и неординарным явлением в русской литературе. Именно Пришвин стал своеобразной константой для поэтики «солоухинского микрокосмоса» [1, с. 32]. Уже в самых ранних произведениях Солоухина, отмечает исследователь его творчества Марк Пушкиевич, можно встретить упоминание о Михаиле Пришвине: «Пришвинский феномен экскурсии в детские воспоминания наиболее близок Солоухину, например, в рассказе «Мед на хлебе» отчетливо видно, насколько симпатизирует Солоухин способности Пришвина несколькими штрихами создать атмосферу в произведении: «Что тут сказать? Пришвин, наверняка бы нарисовал своему читателю поляну с пением птиц, от которого сладко замирает сердце любого русского человека, который был ребенком!». Солоухин не случайно обращает внимание именно на эту особенность Пришвина – умение перенести человека в детские ощущения, так как сам Владимир Солоухин доверял своему внутреннему ребенку всю свою жизнь, ориентируясь на него, как на компас [1, с. 18]. На протяжении всего

творческого пути в своих произведениях, особенно позднего периода, уже зрелый и состоявшийся в литературном мире писатель Солоухин обращается к Пришвину как к своеобразному собеседнику, иногда ведет с ним спор на страницах своих произведений, но чаще бывает ему созвучен. Ведь сам Владимир Солоухин, как и Пришвин, писал произведения, которые пронизаны большой любовью к своей родной земле. Именно с Владимирским краем, с его природой и детскими впечатлениями связаны все значимые для писателя вещи. Собственно говоря, природу Солоухин всегда рассматривает в связи с человеком, в отличие от Пришвина, которого часто упрекали в отсутствии в его произведениях человеческого присутствия. Но это далеко не так: Пришвин, напротив, обращает наше внимание на то, что именно человек может оценить и с благодарностью принимать природные богатства и пользоваться ими.

Конечно, Солоухин не всегда бывает солидарен с Пришвиным в своих произведениях, например, описывая в очерке «Трава» наблюдения за бабочками, он говорит своему читателю: «Не прав и еще раз не прав даже такой тонкий наблюдатель, как Пришвин. Не отцветая пахнет

любка сильнее всего, а в первые минуты цветения, когда в ночной темноте раскроет она каждый из своих фарфорово-белых цветочков (зеленоватых в лунном луче) и в неподвижном, облагоуханном росой лесном воздухе возникает аромат особенный, какой-то нездешний, несвойственный нашим лесным полянам»¹. Но чаще всего, конечно, Солоухин упоминает Пришвина как внимательного и тонкого наблюдателя, который умеет замечать мельчайшие оттенки природных явлений: «У настоящего художника всегда получается, что его творчество в совокупности – это целая страна, как бы географическое понятие, куда и вправду можно совершить путешествие. В этом смысле мы можем говорить о стране Михаила Шолохова с ее Донскими степями, самим Доном и казаками, живущими на Дону; можно говорить о стране Михаила Пришвина с ее лесами, охотничьими тропами, ручьями, проталинками и голосами птиц»². Апофеозом любви к творчеству Пришвина нам видится статья Владимира Солоухина «Очарованный странник», которая строится, полностью опираясь на биографию Михаила Пришвина – от его первых литературных попыток до рассмотрения уже более позднего творчества. При всей лаконичности статьи по объему она занимает всего несколько страниц, это одно из «самых поэтических признаний писательского дара Пришвина в литературно-критическом пространстве» [2, с. 131]. Солоухин работал над этой статьей почти два года. И за это время, тщательно изучая каждый факт биографии Пришвина, Солоухин пришел к мнению, что именно удивительная воля случая во многом предопределила писательскую судьбу Михаила Михайловича. Мы можем убедиться, насколько прав Солоухин в отношении Пришвина, когда он говорит читателю о том, что не люди выбирают профессии, а именно профессии сами выбирают людей. Поездка Михаила Пришвина на север стала подтверждением Солоухинских наблюдений. Так как чувствительность молодого Пришвина была на редкость восприимчива к новым впечатлениям, то именно это путешествие в северные широты сделало из начинающего Пришвина большого и серьезного писателя. «Итогом этой поездки стала первая и едва ли не лучшая из пришивин-

ских книг – «В краю непуганых птиц», фактически узаконившая его положение в литературе и ставшая настоящим дебютом» [3, с. 22]. А дальше, как считает Солоухин, литературный мир принял в свои ряды не просто гениального русского писателя, «но писателя мирового уровня, с российских характером»³. Пришивинское мировоззрение строится на искренней любви к родному краю, поэтому «от путешествий в дальние страны Пришвин как бы переходит к путешествию в природу, оставаясь человеком, стремящимся прежде всего постичь суть жизни»⁴. Солоухину очень важно в статье показать отличие Пришвина от других писателей. Для этого он сравнивает Тургенева, Паустовского и Пришвина, так как Солоухину кажется, что именно они наиболее близкие к природе писатели. Анализируя особенности языковой поэтики, Солоухин говорит, что манера повествования Пришвина наиболее музыкальная и напевная. Он отмечает неторопливость, удивительную точность в воспроизведении запахов, ароматов и атмосферы, в отличие от Паустовского, который очень точен в своих оборотах и не тяготеет к длительным описаниям природных явлений. А о Тургеневе Солоухин говорит, что если Пришвин любит рисовать образами, то Тургенев очень скуп в своих описаниях природных явлений: «Что лучше – ехать на велосипеде в течение часа мимо сотен и тысяч цветов (по луговой тропе), как Тургенев? Или в течение этого же часа любоваться лугом, оставаясь на месте. И даже не лугом, а одним цветком? В этом ключ к восприятию поэзии Пришвина» [4, с. 13]. Статья «Очарованный странник» вышла в 1983 году. Исследователь творчества Михаила Пришвина Александр Эткинд говорит о том, что после выхода этой статьи Владимира Солоухина во многих библиотеках страны стали появляться очереди на книги Михаила Пришвина: «Удивительная вещь талантливая критическая статья! Солоухину удалось не только раскрыть еще одну грань таланта художника Пришвина в своей статье, но самое важное – напомнить советскому читателю о Пришивине-человеке! Спрос на книги Михаила Пришвина возрос до такой степени в 1983 году,

³ Солоухин В. А. Мед на ладони. М., 1986. С. 14.

⁴ Климова Г. П. Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993. С. 4.

¹ Солоухин В. А. Письма из Русского музея. М., 1983. С. 163.

² Солоухин В. А. Время собирать камни. М., 1966. С. 18.

что приходилось записываться на очередь в библиотеках и читальных залах» [5, с. 191].

Владимир Солоухин был глубоко русским человеком, это выразилось в его традиционных ценностях: любви к семье, дому, России, поэтому во всех текстах Солоухина есть такое понятие, как «семечко», это относится и к очерку о Шахматове, и к роману «Приговор», и к повести «Мать-и-мачеха», и к очерку-рассуждению «Письма из Русского музея». Владимир Солоухин часто говорит своему читателю о том, что семечки, которые засеиваются в человеческой душе в семье, в детстве, самые нужные, на них произрастает потом мировоззрение человека. Особенно это важно для русского человека, потому что ему генетически важна связь со своими корнями, со своей историей. И потому Солоухин убежден, что русскому человеку свойственно всегда возвращаться к более детальному чтению книг Пришвина в зрелом возрасте, потому что там эти страницы необъяснимо манят забытыми детскими воспоминаниями: солнечной опушкой, пением птиц. Все эти образы напоминают человеку о том, кто он есть, кто его воспитал, где он родился и вырос, поэтому, считает Солоухин, Пришвин так прост и понятен широкому читателю. Особенную точную характеристику творчества Михаила Пришвина можно увидеть в письмах Веры Буниной, которая говорит, что «душа человека в ее сокровеннейших переживаниях – вот источник всего творчества Пришвина, то лицо, в котором неизменно отражается, конечно, и лицо самого автора, потому что поэт всегда присутствует в своих произведениях» [6, с. 21].

Солоухин был не только поклонником пришвинской манеры повествования, его языковой палитры и сюжетных находок, но и часто отдавал должное умению Пришвина строить композицию произведения. Особенно интересовал Солоухина композиционный прием, который можно встретить почти в любом произведении Пришвина, особенно раннего периода, – это прием «рассказ в рассказе». Множество произведений у Пришвина предваряются легендой или преданием, например, в записи дневника от 1922 г. читаем: «Во всей широкой мощной слоисто-темной массе, с каждого острого камешка капала вода, и вся гора снизу и на огромную высоту была мокрая и блестяла. И я вспомнил эту мать в поэме Коста, которая варила камни и уверяла детей, что это фасоль варится, и до тех пор

уверяла и была веселой, пока все дети в ожидании фасоли не заснули. Тогда мать дала себе волю и заплакала. Но эти же именно слезы матери, вот эта вода, омывая, растворяя, так делает, что из каждой трещины в этой огромной скале, если хорошо приглядеться, вырастает зелень: вот папоротник, вот белые звездочки, вот даже фиалки»¹. Такой же прием использует и Солоухин, например в повести «Прекрасная Адыгене», вводя прекрасную легенду о происхождении необычного цветка в горной местности: «Эти ромашки попадались нам, когда мы ходили на ледник. И ведь говорили еще совсем древние обитатели здешних мест, что цветок этот обладает чудесным свойством исцелять зрение тому, кто нашел его ночью. Это связано с красивой легендой о ночной волшебнице, которая носила этот цветок на своей фате и укрывала ей здешние поля, чтобы растения не мерзли. Этот цветок называют дыханием ночи поэтому»². Также можно встретить этот композиционный прием в романе «Мать-и-мачеха»: «Золушкин смотрел на подаренный ему значок. И вдруг вспомнил легенду о звездном небе, где звезде стало тесно, и она упала на ладонь к маленькому мальчику, который потом вырос и стал хорошим офицером. Этот наивный рассказ, который он часто слышал от своего отца, мечтавшего видеть сына солдатом, почему-то вспомнился ему сейчас, когда на душе было особенно хорошо!»³. Такой композиционный прием особенно часто используется Солоухиным в отношении тех героев, которым симпатизирует автор, чтобы подчеркнуть некую мечтательность и романтичность, которую еще не смог сломать жестокий мир большого города. Говоря об образе современного города, который часто описывался Солоухиным в произведениях как образ беспощадной мясорубки, ломающей наивных и чистых людей, нельзя не вспомнить о дневниках Пришвина. Исследователи иногда называют их своеобразной «творческой лабораторией» писателя [7, с. 34]. Вспоминая дневники Пришвина, можно с уверенностью сказать о том, что они поражают современного читателя подробными фактами о политических событиях того времени, личными переживаниями, юмором и горькой иронией и удивительно пророческими

¹ Пришвин М. М. Дневник 1921–1924. М., 1990. С. 28.

² Солоухин В. А. Прекрасная Адыгене. М., 1990. С. 288.

³ Солоухин В. А. Мать-и-мачеха. М., 1999. С. 11.

заявлениями, потому что «дневники писателей повествуют не только о внутреннем мире авторов, но и о формировании мировоззрения целого поколения их современников»¹. Очень показательно, что Пришвин в своих дневниках предсказал все проблемы современности, а именно: достижения прогресса в ущерб исторической памяти, потерю связи поколений, которые Владимир Солоухин наиболее полно и точно отразил в своем знаменитом произведении «Письма из Русского музея», являющегося симбиозом размышлений Пришвина о гибели живой души в условиях прогресса. Солоухин противопоставляет в произведении два города: Петербург и Москву, говоря о том, что Москву в угоду утилитарному мышлению изменили до неузнаваемости и там, где раньше стояли церкви, теперь располагается ряд одинаковых серых зданий. И именно поэтому автору очень больно от осознания того, что мирское и примитивное в человеке побеждает духовное. Солоухин очень недвусмысленно говорит о том, что миссия искусства на самом деле живет в русском народе изначально, но в силу всяких обстоятельств эта потребность отодвигается на второй план – отсюда потерянные и разграбленные церкви, взорванные могилы великих деятелей. Новый век, по мнению Солоухина, принес множество открытий, но вместе с тем отнял у людей потребность в живом общении. Об этом же ранее говорил и Пришвин, но в менее категоричной форме: «Что такое прогресс? Жалкая ирония довольных собой людей? А теперь имеем то, что имеем. Обворовали самих же себя, разбазаривая духовное, предлагая мирское и тщетное!»². И Владимира Солоухина возмущает, что в угоду Новому уничтожается Старое – взрываются церкви, переименовываются улицы, раскапываются могилы, происходит надругательство над стариной. Это и есть начало конца, когда па-

мять стирается и происходит подмена понятий. Пришвин как будто бы знал или предугадал все современные события: «Везде и во всем нигилизм, и в нем сейчас сила нашего времени. Почему строительством коммунизма называются стройки каналов и заводов, но не человеческого понимания и отношения?»³. Солоухин, разумеется, читал все эти размышления Пришвина, тем более он знал, что Пришвин рассматривал форму дневника как некий «журнал жизни» [2, с. 134]. И если сомнения в успехе публикации помешали Михаилу Пришвину опубликовать роман «Осударева дорога» о строительстве Беломорканала, где автор открыто осуждает все новшества прогресса, то Владимир Солоухин в своем очерке «Письма из Русского музея» очень категорично и бесстрашно заявляет о том, что сегодняшний современный человек, как духовная личность, движется к большой пропасти, в которую по итогу «мы упадем все вместе, если не опомнимся и о душе не успеем подумать. А что душе надо? Немного. Из ручья воду зачерпнуть порой, да на иконы покреститься!..»⁴. Этой фразой Солоухин подытоживает, таким образом, все переживания и наблюдения Пришвина о трагичности прогресса именно для русского человека.

Таким образом, по результатам нашего исследования мы можем говорить о том, что особенность творческого диалога между Пришвиным и Солоухиным в том, что эти писатели созвучны друг другу: оба тонко чувствуют атмосферу произведения, живо реагируют на меняющуюся вокруг них действительность. Они страстно переживают за человека, за его духовное разложение, потерю идеалов и исторической памяти. Владимир Солоухин приблизился к подлинному пониманию индивидуальности Михаила Пришвина, разделяя его художественную философию, основанную на идее сотворчества и гармонии человека в природе.

¹ Шемякина М. К. Человек и мир в дневниках И. А. Бунина и М. М. Пришвина : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004. С. 2.

² Пришвин М. М. Дневник 1921–1924. М., 1990. С. 21.

³ Там же. С. 28.

⁴ Солоухин В. А. Письма из Русского музея. М., 1990. С. 208.

1. Пушкиевич М. М. Микрокосмос Владимира Солоухина // Известные и забытые имена : сб. соч. : в 2 т. / подгот. текста Р. Б. Кушбар, коммент Р. Б. Кушбар и Т. Ю. Мухиной. М. : Худож. лит., 1983. Т. 2. С. 5–78.

2. Шемякина М. К. Бытие русского человека в дневниках И. А. Бунина и М. М. Пришвина // Творческое наследие И. А. Бунина: Традиции и новаторство : матер. междунар. науч. конф., посвященной 135-летию со дня рождения И. А. Бунина (Орловский гос. ун-т, 22–24 сент. 2005 г.). Орел : Картуш, 2005. С. 131–135.

3. Варламов А. Н. Пришвин и Бунин. Литературный этюд // Вопросы литературы. 2001. № 2. С. 21–38.

4. Борисова Н. В. М. Пришвин о творчестве И. Бунина: «...Понял его как самого близкого мне из русских писателей» // *Filologos*. 2018. № 39 (4). С. 13–17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36549610&ysclid=m14w6axg715228804> (дата обращения: 16.05.2024).
5. Эткинд А. А. Культура против природы: психология русского модерна // Октябрь. 1993. № 7. С. 168–192.
6. Переверзев О. К. М. М. и В. Д. Пришвины в дневниках и переписке // *История и Литература* : сборник. 2023. № 2. С. 21–24.
7. Апанович Ф. Эволюция вспять: (от человека к обезьяне): образы революции и народа в творчестве И. Бунина и М. Пришвина первых десятилетий XX в. // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2001. № 1. С. 34–36.
8. Александрова И. Б. Хронотоп как средство характеристики поэзии классицизма, сентиментализма, предромантизма // М. В. Ломоносов и современные стилистика и риторика. М. : Флинта : Наука, 2008. С. 237–245.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024 г.; одобрена после рецензирования 12.08.2024 г.; принята к публикации 11.09.2024 г.

Об авторе

Якименко Кристина Александровна

аспирант кафедры «Новейшая русская литература», Литературный институт им. Горького (123104, Российская Федерация, г. Москва, Тверской бульвар, д. 25), Qeen16@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Pushkevich M. M. Mikrokosmos Vladimira Soloukhina [Microcosm of Vladimir Soloukhin]. *Izvestnye i zabytye imena : sb. soch. : v 2 t. = Famous and forgotten names : collection. works : in 2 vol., prepared. text by R. B. Kushbar, commentary by R. B. Kushbar and T. Yu. Mukhina, M., 1983, vol. 2, pp. 5–78. (In Russ).*
2. Shemyakina M. K. Bytie russkogo cheloveka v dnevnikakh I. A. Bunina i M. M. Prishvina [The existence of a Russian person in the diaries of I. A. Bunin and M. M. Prishvin]. *Tvorcheskoe nasledie I. A. Bunina: Traditsii i novatorstvo : mater. mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoi 135-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Bunina (Orlovskii gos. un-t, 22–24 sent. 2005 g.) = Creative heritage of I. A. Bunin: Traditions and innovation: material. International scientific Conf. dedicated to the 135th anniversary of the birth of I. A. Bunin (Orel State University, September 22–24, 2005), Orel, Kartush Publ., 2005, pp. 131–135. (In Russ).*
3. Varlamov A. N. Prishvin i Bunin. Literaturnyi etyud [Prishvin and Bunin. Literary sketch]. *Voprosy literatury = Questions of literature*, 2001, no. 2, pp. 21–38. (In Russ).
4. Borisova N. V. Borisova N. V. M. Prishvin o tvorchestve I. Bunina: “...Ponyal ego kak samogo blizkogo mne iz russkikh pisatelei” [M. M. Prishvin on the works of I. Bunin: “...understood him as the closest to me of Russian writers”]. *Filologos*, 2018, no. 39 (4), pp. 13–17. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36549610&ysclid=m14w6axg715228804> (accessed 16.05.2024). (In Russ).
5. Etkind A. A. Kul'tura protiv prirody: psikhologiya russkogo moderna [Culture versus nature: the psychology of Russian modernity]. *Oktyabr' = October*, 1993, no. 7, pp. 168–192. (In Russ).
6. Pereverzev O. K. M. M. i V. D. Prishviny v dnevnikakh i perepiske [M. M. and V. D. Prishvins in diaries and correspondence]. *Istoriya i Literatura : sbornik = History and literature : collection*, 2023, no. 2, pp. 21–24. (In Russ).
7. Apanovich F. Evolyutsiya vspyat': (ot cheloveka k obez'yane): obrazy revolyutsii i naroda v tvorchestve I. Bunina i M. Prishvina pervykh desyatiletii XX v. [Reverse evolution: (from man to monkey): images of the revolution and the people in the works of I. Bunin and M. Prishvin head the XXth century]. *Alma mater. Vestnik vysshei shkoly*, 2001, no. 1, pp. 33–37. (In Russ).
8. Aleksandrova I. B. Khronotop kak sredstvo kharakteristiki poezii klassitsizma, sentimentalizma, predromantizma [Chronotope as a means of characterizing the poetry of classicism, sentimentalism, pre-romanticism]. *M. V. Lomonosov i sovremennye stilistika i ritorika = M. V. Lomonosov and modern stylistics and rhetoric*, M., Flinta : Science Publ., 2008, pp. 237–245. (In Russ).

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 11.09.2024.

About the author

Kristina A. Yakimenko

Postgraduate student of the Department of “New Russian Literature”, Literary institute named Maxim Gorky (25 Tverskoy Boulevard, Moscow 123104, Russian Federation), Qeen16@rambler.ru

The author has read and approved the final manuscript.